

УДК 008(061.3)

Диалог философских традиций Беларуси и Китая

А. И. Лойко, доктор философских наук, профессор*

В статье анализируются основные этапы формирования философского диалога белорусской и китайской культур начиная с XIX столетия. Показан вклад И. Гашкевича и Н. Судзиловского в формирование диалога двух культур в контексте классических традиций компаративистики. Отмечается, что XX — начало XXI столетия характеризуются в диалоге интеллектуальных пространств Беларуси и КНР евразийским фактором. В этом диалоге важную роль играют институциональные структуры, научно-исследовательские направления, связанные с семиотикой, методологией технопарков, кластеров, инновационной деятельности. В контексте социальной философии Беларусь и КНР активно реализуют стратегию становления общества инноваций, в рамках которого модернизация приобрела структурную направленность. Перемены в основных сегментах деятельности обеспечивают информационные технологии.

Ключевые слова: философские традиции, Беларусь, КНР, диалог, компаративистика, модернизация, инновационная деятельность, семиотика.

Dialogue of Philosophical Traditions of Belarus and China

A. I. Loiko, Doctor in Philosophy, Professor

The article analyzes the main stages of the philosophical dialogue of Belarusian and Chinese cultures since the XIX century. The contribution of I. Gashkevich and N. Sudzilovsky to the formation of dialogue between the two cultures is shown in the context of comparative classical tradition. The XX century and the beginning of the XXI century in the dialogue between Belarus and China intellectual spaces are characterized by the Eurasian factor. In this dialogue, the important role is played by institutional structures, research areas related to semiotics, methodology of technological parks, clusters and innovation activity. The strategy of becoming an innovative society is being actively implemented by Belarus and China in the context of Social Philosophy. Within this strategy, the modernization has acquired a structural orientation. Changes in the major segments of activity are provided by information technologies.

Keywords: philosophical traditions, Belarus, China, dialogue, comparative studies, modernization, innovation, semiotics.

В глобальном пространстве диалога Беларусь и Китай нашли общие темы для активного сотрудничества в области экономики, политики, культуры. Фундаментальной основой сотрудничества стал глобальный проект шелкового пути, в рамках которого создается инфраструктура технопарков, логистических центров, транспортных коридоров. На базе Белорусского национального технического университета открыт Институт Конфуция по науке и технике. Он ставит целью создать необходимое языковое пространство специалистов для межкультурного диалога в рамках реализации экономических проектов. В связи с этим важное место отводится изучению китайского языка, стажировкам белорусских студентов, магистрантов инженерного и строительного профиля в высших учебных заведениях КНР.

Одним из разделов философской науки, вызвавшим совместный интерес у белорусских и китайских специалистов, стала семиотика. Это обу-

словлено тем, что она имеет несколько направлений практического применения в рамках информационных технологий, школы имен. Китайские специалисты начали изучать белорусскую тематику на уровне семиотического анализа фамилий и имен в форме сравнительного анализа русских имен с китайскими именами [1, с. 161—162]. В рамках семиотической компаративистики сопоставляются фамилии и имена, восходящие к предкам, мужским личностным именам, названию местности, качественным характеристикам людей, роду, племени [2, с. 171—172].

Теоретические основы компаративистской семиотики русской и китайской культур были разработаны в XIX столетии И. А. Гашкевичем. Уроженец Беларуси, он происходил из семьи священника Речицкого уезда Минской губернии. Получил образование в духовной академии в Санкт-Петербурге. В 1839 г. был зачислен в российскую духовную миссию в Пекине. Для осуществления

* Заведующий кафедрой философских учений Белорусского национального технического университета.

деятельности духовной миссии были нужны люди, склонные к владению китайским, корейским, японским языками. Языковыми способностями обладал И. А. Гашкевич. В 1850 г. его деятельность в составе духовной миссии оказалась завершённой. В Санкт-Петербурге его назначают на должность драгомана при азиатском департаменте министерства иностранных дел. Вторая экспедиция на Дальний Восток имела целью налаживание дипломатических отношений с Японией. И. А. Гашкевич в этой миссии сыграл важную роль не только в качестве переводчика, но и дипломата. По ее итогам он стал первым консулом Российской империи в Японии. Параллельно им осуществлялась научная деятельность, связанная с лингвистикой, семиотикой, культурологией. Диалог культур им был концептуально обоснован на анализе языковых традиций разных регионов. Это позволило ускорить создание словарей русского и китайского, а также русского и японского языков. Компаративистская семиотика стала одним из ключевых направлений обеспечения дипломатической деятельности России на Дальнем Востоке.

Деятельность И. А. Гашкевича по созданию устойчивых оснований для диалога российской и белорусской культур с культурой Китая продолжил уроженец Могилевщины Н. К. Судзиловский. Он оказался в Дальневосточном регионе по причине поиска новых оснований для своей деятельности. В Европе, в которую он мигрировал, его угнетала атмосфера кризисного общественного сознания. Речь идет о выдающемся этнографе, энтомологе, химике, биологе. Пребывание в пространстве дальневосточных и тихоокеанских культур он сопровождал знанием языков, в частности, китайского и японского. Путешествия в Тихоокеанском регионе требовали хорошей физической подготовки, знаний в области медицины. Н. К. Судзиловский имел медицинское образование. Он писал научные работы по хирургии, теории глазных болезней, лечению туберкулеза.

Н. К. Судзиловский проявил себя как путешественник и первооткрыватель островов в Тихом океане. Высокую оценку специалистов получили сделанные им географические и этнографические описания Гавайских и Филиппинских островов. На перемещения Н. К. Судзиловского по Дальнему Востоку и Тихоокеанскому региону влияли политические факторы его собственной эволюции. Он находился под влиянием народнической идеологии. Преследования властей заставили его постоянно перемещаться в Европейском регионе. Подобный образ жизни стал сказываться на близких людях. Жена с детьми вернулась в Россию. Н. К. Судзиловский нашел новые основания жизни в актив-

ной социальной деятельности. Результаты этой деятельности отражены в работах, посвященных увлечению Тихоокеанским регионом. При этом он сохранял социал-демократические воззрения, рефлексировал над ролью православной церкви в России и в судьбах русских, находящихся в эмиграции.

Этнограф Н. К. Судзиловский стал сторонником и защитником культур тихоокеанских народов. В 1891 г. он занял пост президента Гавайской республики. Политические испытания на этом посту оказались настолько сильными, что Н. К. Судзиловский оставил пост и уехал в Японию, где получил разрешение на посещение лагерей российских военнопленных с целью их лечения. Одновременно он находился под влиянием общей атмосферы политических процессов в России. Это выразилось в создании в Нагасаки отделения русской революционной партии.

Н. К. Судзиловский, помимо гуманитарных и революционных задач, воспринял к действию интеллектуальное направление в рамках философской компаративистики, связанное с осмыслением специфики Востока и Запада в их взаимосвязи. В 1916 г. он опубликовал работу «Восток и Запад». Усиление революционной направленности мировоззрения Н. К. Судзиловского оказалось неприемлемым для японских властей. Он уехал в Китай, где создал атмосферу диалога российского и китайского народов на основе решения гуманитарных задач помощи голодавшим Поволжья. Ко времени его прибытия в Китай здесь обосновалась огромная диаспора белой эмиграции, создавшая уникальную инфраструктуру русской культуры за рубежом. Человеческие контакты на гуманитарной основе оказались сильнее политических разделов. Это понимание пришло и к Н. К. Судзиловскому. Оно стало основой для формирования евразийской межкультурной практики в рамках философской компаративистики. Эту атмосферу межкультурного диалога россиян и китайцев вспоминают ветераны Второй мировой войны, уроженцы Беларуси [3].

В постсоветский период истории значимость компаративистских исследований не уменьшилась. Россияне продолжили проведение в Санкт-Петербурге и Москве научных конференций, издание сборников и учебных пособий по сравнительной философии [4].

Западноцентризм в компаративистских исследованиях постепенно уступил место евразийской тематике. М. Т. Степанянц по этому поводу замечает: «Первоначально компаративистика была довольно тесно связана с имперскими идеологическими запросами выявить и установить различия между „своими“ и „чужими“ мировоззренческими установками и духовными ценностями, дабы убе-

даться самим и доказать другим принципиальное превосходство западных идей над восточными. Постепенно в ней возрастал подлинно академический интерес к культурам Востока, искреннее желание понять их и по возможности сделать доступными, открытыми для восприятия и понимания человеком западной культуры... Решающим объективным фактором в переменах, наблюдающихся в области философии, явилось крушение колониальной системы, обретение суверенитета ранее зависимых от метрополий народов, укрепление их экономической самостоятельности (по некоторым прогнозам, Китай и Индия в XXI в. выйдут на уровень мировых сверхдержав), активное участие в качестве самостоятельных субъектов международной жизни. Все это не могло не сказаться на характере взаимоотношений между Востоком и Западом» [5, с. 28–29].

Появление философской компаративистики привело к повышению интереса к духовным культурам Востока. Началось систематическое их сопоставление и сравнение с интеллектуальными традициями Запада. В этом плане подключение виднейших китайских мыслителей к компаративистским исследованиям было не случайным. Оно во многом определялось теми тесными связями, которые на протяжении нескольких веков существовали между Китаем и Россией вплоть до середины XX в., когда Китаю при фактической поддержке СССР удалось добиться государственной независимости. Постсоветские Беларусь и Россия смогли найти с КНР доминанту конструктивных отношений в разных сферах деятельности.

Интерес к китайской философской традиции в Беларуси формируется разной исследовательской проблематикой. Этот интерес во многом обусловлен кризисом во взаимоотношениях европейской философии и науки. Современной науке не хватает интерпретационной основы для решения исследовательских задач. В рамках контекста сопоставления категориальных структур западного и восточного мышления к проблематике китайской философии обратился В. С. Степин. По его словам, он «сравнивал, как древние греки и китайцы представляли себе бытие и небытие, — а это смыслы ключевых мировоззренческих универсалий» [6, с. 419]. Сам факт обращения к тематике универсалий культуры диктовался задачей разработки социальной философии науки, в рамках которой основания культуры играют принципиально важную роль.

Системный подход детерминировал реконструкцию всех основных компонентов исследовательской деятельности в естествознании с учетом теоретического и эмпирического уровней научного познания. Предметом изучения стали теория и факт, эксперимент. В конечном итоге были про-

анализированы основные методы научных исследований. Возникла целостная картина исследовательского процесса. Но она, по мнению В. С. Степина, не отражала все элементы познавательной деятельности. Эти элементы были артикулированы в виде концептов научной картины мира, идеалов и норм научной деятельности, философских принципов. Совокупно они стали представлять основания науки.

В своих методологических реконструкциях В. С. Степин не ограничился только структурными задачами. Интересы ученого находились также в области научной динамики. Его внимание привлекли механизмы научных революций в естествознании и особенности эволюции научной рациональности в контексте культуры [7]. Эти исследования дали основание говорить об исторических особенностях классической, неклассической, постнеклассической науки. Сточки зрения эволюции предметных представлений о природе, речь стала идти об интересе современного естествознания к исторически развивающимся системным образованиям на уровне нестационарной Вселенной [7, с. 162]. Эта тенденция в предметном восприятии природы актуализировала синергетику, в которой отразилась важнейшая особенность постнеклассической науки. Речь идет о том, что эта наука «учитывает соотнесенность знаний об объекте не только со средствами, но и с ценностно-целевыми структурами деятельности» [7, с. 166].

Синергетика исходит из того, что мир включает особый тип диссипативных структур открытого типа, чувствительных к малейшим случайным отклонениям в среде и готовых к вторжению флуктуаций. Процессы самоорганизации в такой структуре сопровождаются генерацией и отбором различных структурных конфигураций-аттракторов. Все эти конфигурации соответствуют одному и тому же предметному целевому полю. В его границах происходит схождение траекторий к одной точке, в пределах которой регулярно колеблется состояние системы. Точка схождения не зависит от начальных условий движения системы. Аттрактор в данном случае выступает как детерминирующий и исправляющий систему фактор. Эта детерминация идет не от настоящего и прошлого, а от будущего.

Для социокультурных систем это означает особую ценностную роль научно-технического прогресса. С точки зрения механизма обновления, синергетика вносит в содержание модернизации акцент, связанный со случайностью и нелинейностью перемен. Если же синергетику трактовать как содействие, сотрудничество, то тогда из нее вытекает коэволюционный аспект модернизации. Он указывает на проблему комплексного обновления

социокультурной реальности с учетом того, что она находится в природной среде.

Эта проблема указывает на актуальность согласованного поведения элементов в рамках социокультурной системы (синергизм). Согласованность актуальна и в рамках информационных контактов различных социокультурных систем. На социально-политическом языке речь идет о государственной идеологии, в рамках которой утверждается ценность консолидированного сообщества, принимающего информацию извне. Для Беларуси в условиях постсоветской модернизации (обновления) этот аспект стал приоритетным. В определенные исторические периоды эти процессы порождают качественные состояния социума, которые обозначаются как техногенная культура. Ее характеризует приверженность рационализму, научному знанию и стремлению человека к комфорту и благосостоянию путем производства материальных вещей, к непрерывным изменениям в окружающем мире, совершенствованию материальных орудий, завоеванию нового пространства и освоению новых форм человеческих отношений [8].

Контекст философии науки мотивирует обращение к оригинальным категориальным структурам Востока и естествоиспытателей Беларуси. Подобный акцент находим в работах Е. А. Фурсы. Анализ фундаментальных оснований природы этот исследователь сопровождает обращением к религии и философии Востока [9, с. 35]. В основном речь идет о нахождении основания, способного объединить новейшие знания о природе в области квантовой механики, синергетики, искусственного интеллекта в единое мировосприятие объективной реальности.

Философские традиции Древнего Китая стали предметом исследований в работах В. А. Семенюка. Этот контекст актуализировался в процессе написания комплекса работ по истории мировой философии. Этот проект был реализован на кафедре философских учений Белорусского национального технического университета и представлен в виде электронных изданий и монографии [10]. У Л. В. Уварова тематика китайской философской мудрости вплетена в общий контекст сравнительного сопоставления Востока и Запада на уровне ключевых метафор обеих традиций [11, с. 204—207]. В данном случае важную роль играет влияние работ А. Ф. Лосева [12, с. 79—84]. Е. К. Булыго и В. И. Канарская в исследованиях Востока и Запада сделали акцент на эстетику. У Е. К. Булыго преобладает концептуальный подход [13, с. 150—157]. У В. И. Канарской доминирует аспект культурологической прикладной эстетики [14, с. 162—165].

По мере того как на базе Белорусского национального технического университета сформировалась институциональная основа для постоянного диалога китайских и белорусских специалистов и студентов, возникла возможность синтеза теоретических разработок с научно-исследовательской деятельностью молодых ученых на основе международного координационного студенческого центра БНТУ. Основной формой диалога ученых стали международные научные конференции по евразийской тематике, придавшие исследованиям региональную практическую направленность, созвучную постепенной трансформации локальных экономических пространств в континентальное экономическое объединение, в пределах которого все активнее находят соприкосновение интересы ЕАЭС и КНР. На уровне инженерной науки, экономической практики важную роль стали играть совместные проекты по созданию международных технопарков, кластеров. Эта деятельность опирается на методологию создания и функционирования организационных структур технотехники. Белорусский национальный технический университет через технопарк «Политехник» реализует международные программы сотрудничества с университетами и институтами КНР. На базе БГУ функционирует Институт Конфуция, который реализует программы сотрудничества. Эти программы созвучны общей стратегии модернизации и движения к обществу инноваций на основе уникального опыта государств Азиатского региона. Об этом опыте достаточно убедительно пишут В. П. Старжинский и В. В. Цепкало. В качестве основного примера они используют опыт Сингапура и КНР [15, с. 22—56]. В результате общество инноваций стало прерогативой не только Запада, но и развивающихся экономик. Эти экономики консолидировались, и для них важным стал аспект нового взгляда на ресурсы двусторонних отношений [16]. В данном контексте растет интерес специалистов к восточноазиатским моделям модернизации [17, с. 24—32].

Философская компаративистика на уровне семиотики стала одним из основных направлений диалога гуманитариев Беларуси и КНР, где она актуализирована тематикой информационного общества и постиндустриальной модернизации [18, с. 52—63]. В этом обществе растут риски, поскольку степень свободы и выбора находится под контролем синергии социальных процессов, акцентированной на возможностях самоорганизации и кооперации государств для минимизации последствий волатильности и неопределенности в эволюции социальных структур. В связи с этим А. И. Зеленков пишет: «Информационные, технологические, социокультурные новации определяют сегодня цивилизационные приоритеты и существенно влияют на цели и ценности как регио-

нальных сообществ, так и человечества в целом» [19, с. 33—34]. Именно по этой причине Беларусь и КНР совместно с государствами Евразийского региона создают институциональную основу деятельности в сферах политики и экономики. В это взаимодействие важный вклад вносят образовательные структуры, акцентированные на задачах воспроизводства человеческого капитала. В этих условиях философия обеспечивает устойчивость интеллектуального пространства евразийских государств, двусторонних отношений Беларуси и КНР.

Список цитированных источников

1. Юйхун, В. Частотность китайских и русских фамилий / В. Юйхун // Туровский, Абай, Гумилев, Конфуций, Боливар, Гете: роль Беларуси в философ. диалоге культур: материалы Междунар. науч. конф., 21 марта 2013 г., Минск / отв. ред. А. И. Лойко. — Минск, 2013.
2. Цзе, Л. Сопоставление родства отец, мать, сын и дочь в русских и китайских пословицах / Л. Цзе // Туровский, Абай, Гумилев, Конфуций, Боливар, Гете: роль Беларуси в философ. диалоге культур: материалы Междунар. науч. конф., 21 марта 2013 г., Минск / отв. ред. А. И. Лойко. — Минск, 2013.
3. Волков, Е. Л. Евразия ближняя и дальняя во фронтовых и послевоенных воспоминаниях уроженца Беларуси / Е. Л. Волков // Общ. история единения народов: материалы Междунар. науч. конф., 25 марта 2015 г., г. Минск / отв. ред. А. И. Лойко. — Минск, 2015. — С. 168—173.
4. Сравнительная философия: моральная философия в контексте многообразия культур / отв. ред. М. Т. Степанянц. — М., 2004.
5. Степанянц, М. Т. Мир Востока. Философия: прошлое, настоящее, будущее / М. Т. Степанянц. — М., 2005.
6. Синтез философии, науки, культуры. К.80-летию В. С. Степина / редкол.: А. Н. Данилов (отв. ред.) [и др.]. — Минск, 2014.
7. Степин, В. С. Научная рациональность в гуманистическом измерении / В. С. Степин // О человеческом в человеке / под общ. ред. И. Т. Фролова. — М., 1991. — С. 138—166.
8. Степин, В. С. Философская антропология и философия науки / В. С. Степин. — М., 1992.
9. Фурса, Е. А. Мироздание — мир волн, резонансов и ничего более / Е. А. Фурса. — Минск, 2007.
10. Лойко, А. И. Философия межкультурных отношений: Беларусь в диалоге цивилизаций / А. И. Лойко [и др.]. — Минск, 2012.
11. Уваров, Л. В. Метаморфозы евро-азиатской мудрости / Л. В. Уваров, А. И. Лойко // Евразийское пространство диалога Беларуси, Казахстана, России, Армении, Кыргызстана: культура, философия, экономика: материалы Междунар. науч. конф., 17 марта 2016 г., Минск / М-во образования Респ. Беларусь [и др.]; отв. ред. А. И. Лойко. — Минск, 2016.
12. Уваров, Л. В. Евразийская культура в символике знаков / Л. В. Уваров, А. И. Лойко // Общ. история единения народов: материалы Междунар. науч. конф., 25 марта 2015 г., Минск / отв. ред. А. И. Лойко. — Минск, 2015.
13. Булыго, Е. К. Художественно-эстетическая ментальность Востока и Запада: диалог разнообразия и схождения / Е. К. Булыго // Туровский, Абай, Гумилев, Конфуций, Боливар, Гете: роль Беларуси в философском диалоге культур: материалы Междунар. науч. конф., 21 марта 2013 г., Минск / отв. ред. А. И. Лойко. — Минск, 2013.
14. Канарская, В. И. От сердца к сердцу — духовное наследие школ чань и хуань (Китай) / В. И. Канарская // Туровский, Абай, Гумилев, Конфуций, Боливар, Гете: роль Беларуси в философском диалоге культур: материалы междунар. науч. конференции, 21 марта 2013 г., Минск / отв. ред. А. И. Лойко. — Минск, 2013.
15. Старжинский, В. П. На пути к обществу инноваций / В. П. Старжинский, В. В. Цепкало. — Минск, 2016.
16. Титаренко, М. Л. Китай и Россия в современном мире / М. Л. Титаренко. — СПб., 2013.
17. Титаренко, Л. Г. История модернизации: восточноазиатские модели / Л. Г. Титаренко // Философские исследования. Сб. науч. тр. Вып. 2. — Минск, 2015.
18. Лазаревич, А. А. Приоритеты и факторы постиндустриальной модернизации / А. А. Лазаревич // Философские исследования. Сб. науч. тр. Вып. 2. — Минск, 2015.
19. Зеленков, А. И. Может ли хаос быть конструктивным в эпоху глобальных рисков? / А. И. Зеленков // Диалог культур в эпоху глобальных рисков: материалы Междунар. науч. конф. и X науч.-теорет. семинара «Инновац. стратегии в соврем. соц. философии», 17—18 мая 2016 г., Минск. — Минск, 2016.

Дата поступления в редакцию: 02.06.2016 г.